УДК 82.0(470-25)"1820/1830"

А. А. ДЫРДИН, Л. В. КОРУХОВА

ФЕНОМЕН МОСКОВСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ 20−30-Х ГГ. XIX В. И ФОРМИРОВАНИЕ Д. П. ОЗНОБИШИНА КАК ПЕРЕВОДЧИКА

Концепция статьи определяется стремлением воссоздать общую картину становления русской школы художественного перевода в Московском университете в 20−30-е гг. XIX века и определить характер влияния университетской и пансионской профессуры на Д. П. Ознобишина-переводчика. В составе московской переводческой школы 20−30-х гг. XIX века нами отмечены несколько ключевых фигур преподавательского состава Московского университета и Университетского благородного пансиона, существенно повлиявших на становление переводческой мысли в целом, и на формирование эстетической переводческой программы Д. П. Ознобишина в частности: А. Ф. Мерзляков, А. В. Болдырев и С. Е. Раич. Особенно же велика в этом отношении роль С. Е. Раича, непосредственно намечавшего путь к основным задачам и традициям литературного перевода первой трети XIX столетия. Разработка поставленной проблемы существенно расширит представление об эволюции переводческой мысли XIX века; поможет выстроить более полную концепцию эстетических исканий русских поэтов в области перевода, в том числе и Д. П. Ознобишина.

Ключевые слова: московская переводческая школа; Д. П. Ознобишин-переводчик; школа С. Е. Раича; Московский университет; Московский университетский благородный пансион; А. Ф. Мерзляков; А. В. Болдырев.

Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью московских литературных кружков первой трети XIX века, с одной стороны, и возросшим интересом к творческой личности Д. П. Ознобишина – с другой. Переводческая деятельность Ознобишина тесно связана с русской традицией литературного перевода, которая начинает складываться в первой трети XIX столетия. Отсутствие специальных обобщающих работ по изучению творчества Д. П. Ознобишина в контексте московской переводческой школы XIX века позволяет говорить о новизне настоящего исследования.

В статье авторы пытаются воссоздать общую картину становления русской школы художественного перевода в лоне Московского университета в 20−30-е гг. XIX века в общем и, в частности, определить характер и глубину влияния университетской и пансионской профессуры на Д. П. Ознобишина-переводчика.

В начале XIX века переводная литература органически включалась в национальный литературный процесс, находилась в смежной области между оригинальным творчеством русских писателей и целенаправленными попытками воссоздать иноязычный художественный текст. Важное место в развитии переводческой мысли

© Дырдин А. А., Корухова Л. В., 2013

писателей девятнадцатого столетия занимали литературные сообщества. Однако деятельность московских литературных кружков первой трети XIX века изучена недостаточно. Эта тема рассматривается всего лишь в нескольких небольших публикациях.

Единственно важным трудом, в котором значительное место отведено изучению московской переводческой школы, является работа А. Н. Гиривенко «Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века» (Москва, 2002). Автор поднимает вопрос о закономерном существовании московской школы художественного перевода в лоне Московского университета и непосредственно связывает историю московской школы поэтического перевода с университетом. Учёный отмечает два положительных аспекта, способствующих формированию русской школы художественного перевода в стенах учебного заведения: богатая книжная база на иностранных языках и влиятельный преподавательский состав, в числе которых были поэты-практики художественного перевода.

Как отмечает Р. Н. Клейменова, именно здесь находилась крупнейшая в первой половине XIX

века библиотека Москвы, которая располагала огромным количеством книг на латинском, греческом, немецком, французском и английском языках. «С 1814 г. начали регулярно выписываться русские и зарубежные периодические издания. Зарубежными периодическими изданиями библиотеку снабжал рижский книгопродавец Гартман. Велась постоянная работа по выявлению недостающих изданий и их покупке» [3, с. 191]. Кроме того, библиотека Московского университета располагала и частными собраниями. В высшей степени примечательным в этом аспекте является библиотека, подаренная университету П. Г. Демидовым в 1803 году. «Здесь находились редчайшие рукописи на всех языках, в том числе арабские и китайские VIII, IX, XII вв. и более поздние, рукописи современных авторов, в том числе и неизданные» [3, с. 193]. Необходимо отметить, что учебная библиотека университетского благородного пансиона тоже располагала зарубежными изданиями: «только в 1823 г. было куплено 3,4 тыс. иностранных книг» [3, с. 195].

Таким образом, богатая книжная база университетской библиотеки предоставляла воспитанникам и пансионерам возможность знакомства с сочинениями зарубежных авторов в оригинале, а профессорам и преподавателям – помогала при чтении курсов, а также при формировании ими рекомендаций учащимся книг на иностранных языках сверх предусмотренной программы.

Более того, в формировании переводческой школы в лоне Московского университета положительную роль сыграли преподаватели-практики поэтического перевода. К их числу А. Н. Гиривенко приписывает А. Ф. Мерзлякова, С. Е. Раича и В. И. Оболенского. Для нас, исследователей переводческой деятельности Д. П. Ознобишина, представляется важным определить контингент преподавателей, в той или иной степени повлиявших на становление Ознобишина-переводчика в годы учёбы в Московском благородном пансионе.

Итак, 20−30-е гг. XIX века – важный период в творческой биографии Д. П. Ознобишина-переводчика. Именно в это время складывается его стихотворная техника, вырабатывается поэтический словарь, определяются литературно-эстетические взгляды, формируются принципы перевода. Знаменательно, что именно в этот период происходит знакомство Ознобишина с литераторами и лингвистами, которые оказали непревзойдённое влияние на идейно-творческие искания поэта в области художественного перевода.

Интересна в этом отношении фигура А. Ф. Мерзлякова (1778−1830), профессора кафедры красноречия, стихотворства и языка российского Московского университета. Исследовательская традиция характеризует Мерзлякова как одного из влиятельных наставников молодых универсантов и пансионеров. «Его влияние на литературно одарённую молодёжь Москвы было столь велико – и там, где оно сказалось, и в особенности там, где оно не сказалось, − его роль в жизни московского образованного общества <…> была столь весома, что он заслуживает пристального внимания любого, кто обратится к тому периоду, когда М. Н. Муравьёв был попечителем Московского университета, а Мерзляков – преподавателем словесности» [5].

В системе университетского и пансионского преподавания А. Ф. Мерзляков читал лекции по российской словесности, возбуждая интерес слушателей не только к Ломоносову, Державину, но и Хераскову, Сумарокову, Княжнину, Озерову и другим классическим писателям. Кроме того, занятия сопровождались разборами студенческих упражнений, которыми он развивал вкус и приучал к критике. Из воспоминаний М. П. Погодина об одной из последних лекций читаем: «Вышла, господа, новая поэма, молодого нынешнего поэта, Лорда Байрона «Шильонский узник», переведённая по-русски Жуковским. Мы займёмся её разбором в следующий раз» [5]. Приведённое высказывание для нас особенно интересно. Показательно, что А. Ф. Мерзляков в процессе преподавания российской словесности знакомит слушателей и с переводческим опытом русских поэтов.

Преподаватели университета и пансиона не ограничивались только академической програм-

мой, они проводили дополнительные курсы для всех желающих углубить свои знания. В их числе был А. Ф. Мерзляков, организатор публичных чтений о словесности, на которых он не только знакомил слушателей с правилами красноречия и поэзии, занимал их чтением и разбором знаменитейших российских стихотворцев во всех родах сочинений, но и параллельно приводил примеры поэтических опытов русских поэтов-переводчиков, в том числе и своих.

Недостаточно сказать, что А. Ф. Мерзляков был просто профессором-преподавателем: обращает внимание переводческая деятельность литератора. В творческой биографии А. Ф. Мерзлякова существенное место занимают переводы античных (Гомер, Сафо, Пиндар, Феокрит, Мосх, Бион, Тиртей, Софокл, Эсхил, Еврипид, Гораций, Овидий, Вергилий, Тибулл, Проперций и др.) и итальянских поэтов (Тассо, Альфьери). Кроме того, известны его совместные переводческие опыты с Тургеневым и Жуковским: «Страдания молодого Вертера» и «Коварство и любовь» (из Шиллера и Гёте). Особенно велика была слава Мерзлякова как автора перевода известного произведения Горация «Ars poetica» («Наука стихотворства»). Этот опыт перевода, имевший весьма положительную оценку, в то время считался образцовым: им пользовались и гимназисты, и студенты, и литераторы, и педагоги-словесники. Как отмечает А. Н. Гиривенко, исследователи уделяют А. Ф. Мерзлякову мало внимания как переводчику с английского (из Драйдена, Грея, Томсона) [1, с. 128].

Таким образом, А. Ф. Мерзляков, профессор и критик, писатель и практик перевода, умело сочетал в своих лекциях изучение русской словесности с непревзойдёнными комментариями и примерами поэтических опытов в области перевода. Оценивая литературные произведения с позиции вкуса, А. Ф. Мерзляков, безусловно, в определённой степени способствовал формированию эстетических «образованных» вкусов универсантов и пансионеров.

Правомерно предположить, что молодойОзнобишин, очень своеобразно и остро откликавшийся на важнейшие явления современной ему общественной и литературной жизни, был знаком с идеями А. Ф. Мерзлякова в области перевода, которые он развивал в своих лекциях, публичных чтениях, критических статьях и учебных пособиях. Большой интерес в этом отношении представляет высказывание А. Ф. Мерзлякова о принципах перевода: «Энтузиазм столь необходим для поэта, что некоторые почитали его существом поэзии. И конечно, не может быть ни одного живого и верного подражания, если стихотворец сам не очарован, то есть если он не видит того, что он живописует, не чувствует, что выражает. Это правило верно даже в рассуждении стихотворца-переводчика; он должен быть в энтузиазме таковом же, как его автор: в противном случае может перевести только слова, а не мысли и чувства. − "Как близко переведено! слово в слово!" − кричат всеобщие хвалители. Что ж в этом достоинства, когда в сих словах насильно, как на убой притащенных, худо связанных между собою, изуродованных как будто после взаимного смертного поединка, нет ни природы, ни лёгкости, ни свободы: вернейших признаков очарования, чувства, исступления! Переводчик борется с своим автором и старается превзойти его в нежности и чувствительности сердца... <…> Итак, надобно быть очарованну, чтобы верно и живо подражать <…>» [6, с. 164].

Лекции А. Ф. Мерзлякова, как нам представляется, могли вызвать у молодого Ознобишина живой интерес к литературоведческим исканиям в области перевода. Трудно, конечно, сказать, в какой степени идеи наставника были усвоены Ознобишиным потом, но не вызывает сомнения, что они служили пищей для размышления, что в них он искал отклик собственным думам. Сложен вопрос о том, насколько знакомство Ознобишина с А. Ф. Мерзляковым повлияло на становление первого, но, безусловно, сам факт их общения говорит о точках соприкосновения в их творческих устремлениях, в том числе и в области перевода.

Таким образом, известный поэт и переводчик, литературный критик и влиятельный профессор российской словесности, один из активных дея-

телей литературного процесса первых десятилетий XIX столетия и участник многочисленных литературных кружков, А. Ф. Мерзляков оказал значительное влияние на культурную жизнь первой четверти XIX века. Как указывает Н. П. Колюпанов, «<…>главная заслуга Мерзлякова состоит <…> в живом влиянии его личности на современников. Тот внутренний огонь, соединённый с глубоким уважением к науке и литературе, которым согрета была поэтическая душа Мерзлякова, производил обаятельное впечатление на слушателей и имел в своё время громадное культурное значение, пробуждая в них самостоятельность мысли и стремление к литературно-общественной деятельности» [4, с. 466].

Не менее важно знакомство Д. П. Ознобишина с профессором А. В. Болдыревым (1780−1842), преподававшим восточные языки на отделении восточной словесности Московского университета. Отметим, что в рамках университетской программы достаточно места и внимания было уделено арабскому, древнееврейскому и персидскому языкам. В высшей степени показательным в этом аспекте являлось изучение восточных языков по учебным пособиям, составленным А. В. Болдыревым. Его грамматика арабского языка и хрестоматии персидского и арабского языков, принятые во всех университетах и других учебных заведениях, на долгие годы стали важным подспорьем в изучении и преподавании восточных языков.

Н. Н. Холмухамедова пишет: «Болдырев преподавал не только ориенталистам, но и всем студентам словесного отделения, желавшим изучать восточные языки и литературы, причём не только из университетов, но и из Благородного пансиона. Таким неофициальным слушателем был и молодой Ознобишин» [8, с. 388]. Необходимо отметить, что поэта в равной степени занимала как западная поэзия, так и восточная. В этой связи примечателен интерес Ознобишина к изучению восточных языков, проходившему не без участия Болдырева. Есть основания полагать, что языковые занятия профессора в той или иной степени способствовали формированию лингвистической грамотности молодого поэта, которая впоследствии сказалась в его переводческой практике. Как известно, языковая подготовка играет первостепенное значение в творческом ракурсе поэта-практика художественного перевода. Для переводчика значимо не только обладание совершенным знанием морфологии, синтаксиса, лексики и идиоматики языка подлинника и своего собственного, но и понимание соотношение обеих языковых систем для полноценной передачи содержания переводимого произведения.

Обращает на себя внимание и переводческая деятельность А. В. Болдырева. Известны его переводы с арабского и персидского языков, опубликованные в журнале «Вестник Европы» за 1811 и 1815 гг. Правомерно предположить, что Д. П. Ознобишин был знаком с переводческим творчеством А. В. Болдырева. Во-первых, следует принять во внимание тот факт, что молодой пансионер выступал со своими произведениями на страницах этого журнала. Следует упомянуть его первые публикации в журнале : «Старец» (Вестник Европы. 1821. Ч. 116, № 4. С. 252), «Утренний гимн» (Вестник Европы. 1821. Ч. 117, №7−8. С. 172−173) и «Послание к Т…у» (В. П. Титову) (Вестник Европы. 1821. Ч. 118, №10. С. 88).

Во-вторых, по свидетельству многих современников, глубоко эрудированный и литературно заинтересованный Д. П. Ознобишин с интересом реагировал на поэтические выступления своих соотечественников в печати. Поэтому он не мог обойти вниманием работы своего преподавателя-ориенталиста А. В. Болдырева, самого видного представителя университетской восточной науки 20−30-х XIX века. Всё это подводит к мысли о том, что Д. П. Ознобишин был знаком с переводческим опытом своего наставника и учителя в области ориенталистики.

Примечательно, что в творческом наследии зрелого Д. П. Ознобишина важное место занимает его работа «Персидская грамматика» (около 1840 г.) (ИРЛИ, ф. 213, №47). В целом этот труд – результат плодотворного исследования поэта одного из освоенных им восточных языков. Несмотря на то, что на разных этапах творческой

жизни Д. П. Ознобишина изучение персидского языка проходило под руководством различных преподавателей восточной словесности, фигура А. В. Болдырева выдвигается на первый план. В этой связи правомерно предположить, что именно он заложил основы восточной эрудированности молодого Д. П. Ознобишина, которые с течением времени кристаллизовались в его работе по грамматике персидского языка.

Суммируем сказанное: «А. В. Болдырев, языковед-востоковед и практик перевода с арабского и персидского языков, − значительная фигура в творческой жизни Д. П. Ознобишина. Главная заслуга профессора усматривается в формировании лингвистической компетентности Д. П. Ознобишина в области восточных языков, которая впоследствии сказалась в переводческой практике поэта. Вместе с тем обращают на себя внимание арабская и персидская хрестоматии А. В. Болдырева, которые послужили основным источником для многих переводов Д. П. Ознобишина с арабского и фарси.

В высшей степени показательным является знакомство Д. П. Ознобишина с С. Е. Раичем (1792−1855), поэтом, переводчиком и знатоком античной и итальянской поэзии, который сыграл в творческой жизни поэта исключительное значение. К сожалению, нет подтверждённых данных о том, где произошла их первая встреча. Интересно сопоставить некоторые факты из их биографии. Известно, что С. Е. Раич являлся действенным членом «Общества любителей российской словесности» при Московском университете, публичные заседания которого проходили в стенах Университетского благородного пансиона, где обучался Д. П. Ознобишин. Их сближение, возможно, произошло на почве общего интереса к литературе в рамках собраний литературного общества, «на которых иногда с целью поощрения читались лучшие произведения воспитанников» [2, с. 325], в том числе и Д. П. Ознобишина.

Интересно отметить, что С. Е. Раич не был учителем Д. П. Ознобишина, поскольку проводить занятия по российской словесности в Университетском благородном пансионе он начал с 1827 года. С. Е. Раич в 1815−1818 гг. прошел полный курс университетского образования вольнослушателем по этико-политическому отделению. Однако любовь к поэтическому слову определила дальнейшую судьбу писателя: в 1822 году он окончил словесное отделение Московского университета и в октябре того же года успешно защитил магистерскую диссертацию «Рассуждение о дидактической поэзии». С этого времени непосредственная связь С. Е. Раича с русской литературной жизнью не ограничивалась частной педагогической деятельностью и выступлениями со своими произведениями на страницах русских журналов и альманахов: в 1822 году он организовал для воспитанников Университетского благородного пансиона «Общество друзей», действующим членом и секретарём которого был Д. П. Ознобишин.

В автобиографии С. Е. Раича читаем: «под моим председательством составилось маленькое, скромное литературное общество... Члены этого общества были: М. А. Дмитриев, А. И. Писарев, М. П. Погодин, В. П. Титов, С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, А. М. Кубарев, князь В. Ф. Одоевский, А. С. Норов, Ф. И. Тютчев, А. Н. Муравьёв, С. Д. Полторацкий, В. И. Оболенский, М. А. Максимович, Г. Шаховской, Н. В. Путята и некоторые другие: одни из членов постоянно, другие временно посещали общество, собиравшееся у меня вечером по четвергам. Здесь читались и обсуждались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, английского, итальянского, немецкого и редко французского языка» [7, с. 28].

Как можно заключить из этих строк, Раич развивал переводческую линию в рамках литературного общества. В этом плане обращает на себя внимание практический аспект собраний, на которых собственные переводческие опыты являлись предметом дискуссий, что позволяло авторам не только выступить с переводным произведением, но и услышать критические замечания слушателей.

Обращает на себя внимание переводческая деятельность организатора «Общества друзей», которое стало знаковым явлением литературной жизни Москвы. В переводческой среде С. Е. Раич известен переводами с итальянского языка. В высшей степени показательным в этом аспекте является переводческий труд поэмы Вергилия «Георгики», за который он был награждён серебряной медалью Российской академии, хотя оценки этого произведения были неоднозначны. Большой известностью пользовался перевод «Освобождённого Иерусалима» Тассо, встретивший как положительные, так и отрицательные отклики рецензентов. Следует отметить ещё одну работу С. Е. Раича – перевод поэмы Людовико Ариосто «Неистовый Орланд». По мнению А. Н. Гиривенко, «создание перевода эпической поэмы Людовико Ариосто «Неистовый Орланд» явилось фактическим воплощением переводческих концепций раичевского кружка, давало представление об эстетической программе московской школы художественного перевода» [1, с. 152], из которой вышел даровитый поэт Д. П. Ознобишин.

Идейно-художественный рост Ознобишина-переводчика непосредственно связан с именем С. Е. Раича, чьё наставничество оказалось плодотворным для роста поэтического мастерства Д. П. Ознобишина. Талантливый педагог видел в своём воспитаннике определённый творческий потенциал и поддерживал увлечение Ознобишина переводами с восточных языков. Широко распространено мнение о том, что восточное направление в переводческом творчестве Ознобишина находилось в прямой и непосредственной связи с идеями С. Е. Раича, которые заключались в популяризации восточного направления в русской литературе и «опоэтизации» русского литературного языка, обогащение его «новыми пиитическими выражениями, оборотами, словами, картинами».

Таким образом, именно благодаря С. Е. Раичу переводческая увлечённость Д. П. Ознобишина получила мощный импульс, прослеживаемый на протяжении всей творческой жизни поэта, в которой переводам уделялось значительное внимание. Кажется особенно очевидным, что общение Ознобишина с Раичем стало толчком, который дал выход его поэтическому дарованию. Творчество Ознобишина, действительно, во многом питалось настроениями и чувствами человека, который был для него не просто учителем, а другом, собратом по перу. Духовный союз обоих поэтов поддерживался их тесным дружеским и творческим общением на протяжении всей жизни. Определенно, мудрое наставничество С. Е. Раича сыграло значимую роль в духовном и творческом развитии Д. П. Ознобишина-переводчика.

Резюмируя, отметим, что в составе московской переводческой школы 20−30-х гг. XIX века нами отмечены несколько ключевых фигур преподавательского состава Московского университета и Университетского благородного пансиона, существенно повлиявших на становление переводческой мысли в целом, и на формирование эстетической переводческой программы Д. П. Ознобишина в частности: А.Ф. Мерзляков, А. В. Болдырев и С. Е. Раич. Особенно же велика в этом отношении роль С. Е. Раича, непосредственно намечавшего путь к основным задачам и традициям московской переводческой школы 20−30-х годов девятнадцатого столетия. При этом необходимо отчётливо сознавать, что поэты-переводчики первой половины XIX века не могли творить вне литературной среды, без опоры на учеников и последователей. Ясно представляя всю картину литературной жизни, мы пониманием, что не меньшее значение имеет вклад самих воспитанников в становлении московской школы художественного перевода 20−30-х гг., в том числе и Д. П. Ознобишина.

В свете всего вышесказанного можно утверждать, что опыт русской школы художественного перевода в 20−30-е годы XIX века непосредственно связан с Московским университетом в лице своих преподавателей, а также воспитанников, пополнявших ряды литературных талантов в области перевода. Московское переводческое направление в русской поэзии 20−30-х гг. XIX века находилось в прямой и непосредственной зависимости от переводческих

идей С. Е. Раича, которые он развивал в своих работах и в рамках литературного общества, сформировавшегося в стенах пансиона при Московском университете. Представляется необходимым более детально исследовать переводческую школу С. Е. Раича, к которой принадлежал Д. П. Ознобишин. Разработка поставленной проблемы существенно расширит представление об эволюции переводческой мысли XIX века, поможет выстроить более полную концепцию эстетических исканий русских поэтов в области перевода, в том числе и Д. П. Ознобишина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гиривенко, А. Н. Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма / А. Н. Гиривенко. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 280 с.

2. Гольц, Т. М. Поэт и полиглот // Д. П. Ознобишин. Стихотворения. Проза. Кн. 2. / Т. М. Гольц. – М. : Наука, 2001. – С. 315−375.

3. Клейменова, Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века / Р. Н. Клейменова. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

4. Колюпанов, Н. П. Биография А. И. Кошелева. Т. 1. / Н. П. Колюпанов. – М., 1889. – 581 с.

5. Любжин, А. И. Алексей Федорович Мерзляков // Im Werden Verlag: некоммерческое электронное издание. Мюнхен, 2004. URL: http://www.imverden.de (дата обращения: 10.12.2012).

6. Мерзляков, А. Ф. О талантах стихотворца / А. Ф. Мерзляков // Литературная критика 1800−1820-х годов / сост., примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 150−168.

7. Модзалевский, Б. Л. Автобиография С. Е. Раича / Б. Л. Модзалевский // Русский библиофил. – 1913. – Кн. 8. – С. 5−15.

8. Холмухамедова, Н. Н. Д. П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии / Н. Н. Холмухамедова // Д. П. Ознобишин. Стихотворения. Проза. Кн. 2. – М. : Наука, 2001. – С. 376−434.

• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •

Дырдин Александр Александрович, *доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Филология, издательское дело и редактирование» УлГТУ.*

Корухова Людмила Владимировна, *старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» УлГТУ.*